

ного итальянского певца. Хлопков хорошо сознает достоинства своего пения, славится им в окрестности среди любителей-крестьян и так образно хорошо сказал нам о силе своего голоса: «Вот что, иной раз заведешь песню, так никак кончить не можешь, голоса не остановишь; куда остановить, рука онемает»⁵⁵. В Москве Лопатин и Прокунин записали ряд песен у бывшего дворового, Сергея Михайловича Колесникова. Они познакомились с ним, когда он был уже глубоким стариком, но он поразил их и своим необычайно тонким музыкальным слухом и неисчерпаемым запасом песен, которым владел. При пении он придавал «особое выражение каждой фразе и столь же тщательно и аккуратно отделял каждую нотку напева. Строгая отделка песни и, вместе, чисто эпическое спокойствие в выражении слов делали то, что он как будто сам себе рассказывал песню, постоянно сдерживая себя в ней. «Не шуми, мати зеленую дубровушку» он пел необычайно задумчиво и вместе торжественно, и в некоторых фразах у него вырывалось сильное жгучее чувство»⁵⁶.

В противоположность пению Колесникова, собиратели упоминают о пении также бывшей дворовой (Елецкого уезда), Марфы Ивановой, которая, несмотря на свои 82 года, все еще обладала сильным меццо-сопрано. «Вспоминая о своем прошлом, она говорит, что «много слез видела через свои песни»; она славилась ими в окрестности, и когда выходила на реку пеньку трепать и затягивала песню, то народ выходил даже из соседней деревни слушать ее, за что ей доставалось от своих родных. Пение ее до сих пор могуче, с сильной акцентуацией на заключительных каденциях и весьма размашистое на тех фразах, в которых она видит главный смысл песни или которым она хочет придать особое значение»⁵⁷.

Б. М. Соколов ссылаясь главным образом на наблюдения Е. Э. Линевой, но как раз классический труд знаменитой собирательницы может служить наилучшим подтверждением наблюдений Тургенева и свидетельством об изумительной чуткости последнего при воспроизведении народно-эстетических переживаний. Описания самой Е. Э. Линевой не только ни в какой мере не опровергают и не обличают Тургенева, но могут служить превосходными параллелями к изображенной им картине. «Живой вереницей встают в памяти моей певцы-импровизаторы, которыми имеет право гордиться наша родина, — пишет Е. Э. Линева. — В рваных кафтанах, в домотканых шароварах, на грязной работе потерявших всякий цвет, часто с нечесаной бородой и немытыми руками, полусмущенные и полугордые, стоят они, когда молва доводит до них собирателя, и, полные какой-то своеобразной привлекательной грубости, точно оправдываясь, говорят: «Да что — ведь мы только свои деревенские песни и знаем»⁵⁸.

В числе этих народных артистов был выдающийся певец-солист Степан Китов (в Череповецком районе), особенно выделявшийся «своей оригинальной фразировкой». Спелый им вариант «Лучинушки» есть самый прихотливый и цветистый, какой мне когда-либо приходилось слышать, — вспоминает собирательница. — Дыхание у Степана Китова необыкновенно длинное». «Легкость голоса у Степана Китова, — пишет Е. Э. Линева далее, — казалась мне удивительной — иной оперный певец мог бы ему позавидовать, до того чисто, мягко и связно выделял он все украшения, выдвигая вперед главную музыкальную мысль и затупевывая, т. е. беря легче, более темным, глухим тембром, второстепенные фигуры. Казалось, такое большое количество украшений могло бы послужить во вред ритмической ясности, ввести певца в расплывчивость,

⁵⁵ Лопатин и Прокунин, назв., соч., стр. 93.

⁵⁶ Там же, стр. 174.

⁵⁷ Там же, стр. 174—175.

⁵⁸ Е. Линева, Великорусские песни в народной гармонизации, вып. II — Песни новгородские, СПб., 1909, стр. XIV.